

Противостояние США и Китая набирает обороты. 28 июля президент Байден распорядился выделить Тайваню военную помощь на сумму 345 млн долл. из резервов Министерства обороны США в виде продукции американского ВПК, а также услуг по обучению и военной подготовке. По данным телеканала ABC, Тайбэй планирует поставить переносные зенитно-ракетные комплексы, огнестрельное оружие, ракеты, а также средства разведки и наблюдения. 2024 год должен стать решающим для Соединённых Штатов и Китая. В январе будут проведены президентские выборы на Тайване, при этом американо-китайские выборы запланированы на ноябрь. В преддверии 2024 года риторика в американских СМИ накаляется.

Редакция газеты "Завтра" предлагает вниманию читателей фрагменты интервью с историком, специалистом по американскому и британскому империализму Нилом Фергюсоном.

Нил Фергюсон получил образование в Оксфорде, сейчас занимает научные должности в Стэнфордском и Гарвардском университетах, живёт в США. В 2000 году вошёл в список 100 самых влиятельных людей мира по версии журнала Time. С 2011 года является автором-редактором Bloomberg TV, обозревателем Newsweek.

В интервью программе "Необычные знания" (Uncommon Knowledge) Нил Фергюсон рассуждает на тему новой холодной войны между США и Китаем, проводит параллели между Китаем и СССР, рассматривает различные сценарии геополитического противостояния. Беседу вёл Питер РОБИНСОН.

— Нил, в журнале National Review вы написали: "Была Первая мировая война, потом Вторая. Они не были одинаковыми, но были достаточно похожи, чтобы никто не спорил о терминологии. Точно так же была первая холодная война, а теперь мы находимся во второй холодной войне". Как я понимаю, "холодная война" здесь означает конфликт с Китаем, который будет длиться два или три поколения? Может быть, я драматизирую ситуацию?

— На мой взгляд, ситуация сейчас достаточно сложная. Есть предположение, что нынешняя холодная война будет затянута. Первая холодная война между СССР и США длилась более четырёх десятилетий, и она закончилась гораздо раньше, чем ожидало большинство экспертов. Но нет никакой гарантии, что вторая холодная война продлится так же долго.

Сегодня Китай во многом гораздо более грозный противник, чем в прошлом веке был Советский Союз. В эко-

нас до сих пор официально действует "политика одного Китая". Сложность ситуации в следующем: несмотря на то что мы не признаём Тайвань независимым государством, Китай сомневается в искренности нашей позиции. Так что же поменялось сейчас? Ведь прошло уже полвека с тех пор, как Генри Киссинджер и Ричард Никсон вместе с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем подписали Шанхайское коммюнике в 1972 году. И всё это время мы придерживались версии, что Тайвань является частью Китая.

100-летний американский политик Генри Киссинджер на встрече с председателем КНР Си Цзиньпином определённо тратит время. Пекинская резиденция Дяоюйтай, 20 июля 2023 года.

номическом плане у КНР есть всё. По отдельным экономическим показателям — например, есть такой показатель, как ВВП по паритету покупательной способности, — Китай уже в 2014 году опередил США. СССР никогда не был близок к подобным уровням. Ликвидный показатель ВВП СССР составлял 44% от ВВП США. Так что с экономической точки зрения вторая холодная война гораздо сложнее для США.

С технологической точки зрения вторая холодная война также хуже первой. Во-первых, у нас есть ядерное оружие времён первой холодной войны и современное ядерное оружие. Дополнительно и у Китая, и у США есть много новых технологий, которых не было в первую холодную войну, начиная от искусственного интеллекта и заканчивая квантовыми вычислениями.

— Есть известная фраза про соотношение сил, только я не помню автора этой фразы (то ли кто-то из классиков марксизма-ленинизма, то ли И.В. Сталин, то ли Генри Киссинджер). На самом деле это разумная аналитическая отправная точка — сравнивать их экономику и нашу экономику.

— Хорошо, что вы упомянули Генри Киссинджера. Приведу один пример. В 2018 году я впервые начал думать о холодной войне с Китаем, и мне пришлось набраться смелости, чтобы спросить Киссинджера: "Находимся ли мы уже в холодной войне?" Мне удалось это сделать лишь в конце 2019 года на конференции в Китае, и он дал отличный ответ. Он сказал, что мы находимся у подножия горы холодной войны. Год спустя, в 2020 году, он изменил формулировку до "горных перевалов времён холодной войны". Когда я спросил Киссинджера в 2022 году, он сказал, что считает, что мы уже находимся во второй холодной войне. И что новая холодная война хуже, а точнее, она более опасная, чем первая холодная война. Так что это уже достаточно распространённое мнение.

— Давайте поговорим о Тайване. Приведу цитату из Bloomberg News: "Проигрыв или даже отказ от борьбы за Тайвань будет воспринят всей Азией как конец американского господства в регионе. Это вызовет бегство от доллара и распродажу государственного долга США. Это будет Суэцкий кризис по-американски". Напомню, что в 1957 году британцы показали свою неспособность удержать Египет от национализации Суэцкого канала. И это был тот самый переломный момент, когда весь мир, включая самих британцев, осознал, что Великобритания больше не является мировой державой. А что сейчас происходит с американцами? Почему так много поставлено на карту? Почему появился риск Суэцкого кризиса по-американски, связанный с островом на другом конце света?

— На самом деле мы долгое время воспринимали Тайвань как часть Китая. И у

кого, и все знали, что это должно было произойти чуть позже в этом столетии. У Конгресса США не было и нет актов с обязательствами по этому поводу. И именно поэтому реакция американцев на происходящее в Гонконге не подразумевала никаких действий. Реакция Великобритании должна была быть намного жестче, потому что события касались именно соглашений с англичанами.

С Тайванем всё иначе. Тайвань стал демократией после падения военной диктатуры. Экономика Тайваня — одна из самых успешных в мире. Экономический успех острова частично объясняется тем, что сейчас Тайвань является ведущим центром по производству самых сложных полупроводников. TSMC — компания номер один в производстве полупроводников, основанная Моррисом Чангом, — стала мировым лидером. Так что экономический контроль над Тайванем имеет большое значение для США. Гораздо большее, чем контроль над Гонконгом с точки зрения мировой экономики. В краткосрочной перспективе представьте себе следующую последовательность событий. В январе 2024 года на Тайване будут проходить выборы, и неясно, кто на них может победить. Китайцы уже называют одного из кандидатов кандидатом за независимость. Поэтому существует не trivialный сценарий, когда произойдёт вмешательство в выборы, и оно, возможно, будет гораздо больше, чем это было во время выборов 2020 года.

чему? Потому что, как мы обсуждали ранее, каждый год даёт США время подготовить Тайвань к обороне. Известно, что у США сейчас есть последовательная военная стратегия для того, чтобы затруднить возможное вторжение Китая на Тайвань. И именно поэтому я думаю, что временные рамки для этих событий — ближайшее десятилетие. Си Цзиньпин не может сказать: "Я позабочусь об этом в 2030 году". Для него это совсем не вариант.

— Сейчас актуален и украинский вопрос. Наш с вами общий друг Элбридж Колби беспокоится, что Украина лишь приводит к дополнительным издержкам и отвлекает внимание от главного конкурента США — Китая. У США ограниченные ресурсы, включая умственные. Вы просите Пентагон побеспокоиться и о Тайване, и об Украине, а Пентагон скажет: "Подождем минутку, а кто наш основной противник?"

— Особенность холодных войн в том, что у США нет выбора. Холодная война, давайте вспомним пример первой холодной войны, — это глобальная война. Китай может играть глобально, теперь он игрок на Ближнем Востоке, поэтому у США нет выбора. Штаты должны быть готовы сдерживать китайскую экспансию везде. Элбридж Колби прав в том, что чем больше ресурсов США вкладывают в войну на Украине, чем больше они ис-

тощают свои запасы "джавелинов", "стингеров" и "хаймарсов", тем меньше остаётся в наличии для решения вопросов в Восточной Азии. У США нет того военно-промышленного комплекса, который был раньше. И пополнение запасов вооружения занимает много времени.

Есть чрезвычайно интересный отчёт, недавно опубликованный одним из ватингтонских аналитических центров. В отчёте указывается, что, если сейчас начнётся война за Тайвань, у США очень быстро закончатся запасы вооружений, особенно высокоточные ракеты, которые являются сегодня важнейшей частью американской доктрины ведения войны.

Я хочу предложить вам очень важную аналогию. Мы уже говорили, что первая и вторая холодные войны, так же как Первая и Вторая мировые войны, не одинаковы. У второй холодной войны, связанной с тайваньским полупроводниковым кризисом, есть очень важное отличие. Это то, что во второй холодной войне мы (США. — Ред.) находимся на месте Советского Союза, если провести аналогии с Карибским кризисом. Во второй холодной войне именно Китай может ввести блокаду Тайваня, тогда как в первой холодной войне Джон Кеннеди блокировал Кубу. Мы называли это карантинном, но по сути это была блокада, и именно СССР в лице Н.С. Хрущёва должен был отправить военно-морские силы на Кубу. Это был самый опасный момент за всю первую холодную войну. На этот раз США оказались в противоположной роли. Так как сейчас Китай может организовать блокаду Тайваня, и тогда, чтобы прогнать эту блокаду, нам придётся послать туда свои военно-морские силы. И мы окажемся в ситуации Хрущёва, и это меня больше всего беспокоит.

Я имею в виду, что повторение кубинского ракетного кризиса — крайне плохая идея для США. Мы не хотим ставить себя в такое положение. Поэтому США должны выполнить обязательства, которые мы взяли на себя перед Украиной. Сейчас Штаты находятся в таком положении, когда мы не можем позволить Украине проиграть. Проблема в том, что Китай не может позволить России проиграть. Вот почему эта война будет продолжаться — все сверхдержавы поддерживают свою сторону в битве. Пока это продолжается, мы должны найти ответ на вопрос, как нам удержать Китай от блокады Тайваня? Потому что прямо сейчас у нас есть хорошая риторика, но несколько очень слабых стратегических вариантов. У военных игр не всегда удачный исход, и недавно был проведён один расчёт, когда изначально было ясно, что это будет очень плохо для США. Сейчас у нас есть очень короткий период времени, чтобы найти хорошее решение тайваньского вопроса. И если мы этого не сделаем, то рискуем, что наш беглый раскроется.

— Давайте отвлечёмся от Тайваня и обсудим, во что верят китайцы? Приведу пару цитат. Гай Сорман пишет в City Journal: "В каком смысле Компартия Китая всё ещё коммунистическая? Она представляет собой марксистскую литургию, которую все читают и в которую никто не верит". Стивен Коткин, который сидел прямо здесь и участвовал в нашей программе, сказал: "Мы все думали, что китайцы циники, что они просто изрекают коммунистические лозунги. Но особенность в том, что они действительно верят в коммунистическую идеологию. И не только верят в идеологию, но и считают, что система вся должна быть коммунистической".

Следует вспомнить, что и во время первой холодной войны было двоякое толкование СССР: либо это просто ещё одна имперская держава, либо это коммунизм, и тогда у них принципиально иной взгляд на отношения человека и правительства, одного общества к другому, иной взгляд на свою конечную цель. Сегодня такое же двоякое понимание Китая. Во что верят китайцы?

— Китайцы являются марксистами-ленинистами, если быть точными. Я думаю, что именно Си Цзиньпиня следует воспринимать серьёзно и буквально как марксиста-лениниста. Я провёл некоторое время в Китае до пандемии — был приглашённым профессором в Цинхуа. Я помню встречу с руководителем по аналитической работе в Компартии Китая, который является важной фигурой. В ходе этой встречи он сказал: "Да, кстати, постоянный комитет политбюро перечитывает Маркса и Энгельса".

Я думаю, мы должны предположить, что во второй холодной войне есть идеологическая составляющая. Многие наивные люди думают, что это не так, потому что они посещают Пекин или Шанхай и видят, что бизнес-магнаты ведут себя так же, как и все бизнес-магнаты. Они видят многоэтажки, это выглядит знакомо. Но нужно понимать, что это просто капиталистическая обёртка. И если вы посмотрите на то, что говорит Си Цзиньпин не

в Давосе, а в Пекине, или просто посмотрите на какую-либо ещё пропаганду Компартии, то очень поразительно, насколько всё идеологизировано. Си Цзиньпин строго запретил преподавание западных идей в китайских университетах. Когда я был в Цинхуа, я почувствовал, как заметно изменилась атмосфера. Мне уже стало нелегко говорить на лекциях о культурной революции.

Так что идея о том, что китайцы просто притворяются коммунистами, — это нонсенс. И частично идеология также объясняет веру в то, что столкновение с империалистическим Западом неизбежно. Си Цзиньпин довольно ясно дал понять партии и стране, что необходимо было готовиться к войне. Я довольно много читал китайских политических интеллектуалов, и они говорят о большой роли Китая в вытеснении Соединённых Штатов как доминирующей империи.

— Сейчас нам всем кажется, что китайцы пришли к некой новой модели общества. Похоже, они изобрели способ сочетания централизованного контроля с достаточно свободным рынком. По крайней мере, это сработало, чтобы вытеснить сотни миллионов людей из бедности и добиться мирового положения, которого у них не было всего 20 лет назад. Итак, во время первой холодной войны одной из угроз для США было то, что советская система была ин-

теллектуально привлекательной. Китай не кажется привлекательным, никто не хочет иммигрировать в Китай. Но опять же, у нас есть страны Глобального Юга. Может ли созданная Китаем новая модель быть по-настоящему привлекательной для этих стран?

— На ваш вопрос есть два ответа. Во-первых, сегодня есть люди, которые находят систему Компартии Китая привлекательной, многие из них являются бывшими или нынешними марксистами, хотя и не все. Я советую прочитать книгу Мартина Жака "Когда Китай правит миром" или недавнюю работу Дэниела Белла о китайской системе, которой он открыто восхищается. Так что давайте не будем предполагать, что китайская модель никого не привлекает. При этом, если вы помните, в США было не так много людей, которых привлекал советский коммунизм, что видно по результатам голосования. Это действительно довольно небольшое количество людей, даже если некоторые из них были на влиятельных должностях. Так что я не думаю, что сейчас ситуация в Штатах чем-то отличается.

Что действительно важно, и это мой ответ на ваш вопрос, — китайская модель является привлекательной в странах Африки к югу от Сахары, в Латинской Америке, на Ближнем Востоке, в Центральной Азии, на самом деле в развивающихся странах всего мира. Если вы управляете африканской страной, экономически бедной, китайцы предлагают вам решение проблемы контроля над населением — лучше, что было доступно до этого времени. У них есть технологические наблюдения, искусственный интеллект, камеры, вы можете контролировать своё гражданское население. И у китайцев есть ещё одна вещь, которую они могут предложить, — это инфраструктура. У вас нет дорог? Дороги сделаем. У вас нет связи? У нас есть Huawei. Если вы посмотрите на карту мира, составленную Huawei, вы увидите, где привлекательность китайской системы наиболее сильна. Аппаратное обеспечение Huawei необходимо в относительно бедных частях мира, потому что оно дешевле любого другого оборудования, и Huawei может предложить финансирование, которое им необходимо. Причина, по которой я начал говорить о второй холодной войне, заключалась в том, что я видел эту карту (карту мира согласно Huawei. — Ред.) ещё в 2017 или 2018 году, когда США решили закрыть Huawei.

Некоторые другие страны последовали примеру США, например, Австралия. И я посмотрел на карту мира. Там были страны, которые говорили нет Huawei, — это были США и их близкие союзники. И были страны, которые говорили Huawei да, и это были те страны, которые называют третьим миром. Также были страны, которые говорили: "Может, у нас будет немного и того, и другого?" И это — карта второй холодной войны. Как только вы это видите, вы думаете: "О, это выглядит очень знакомо".

— Предположим, Китай победил. Как могла бы выглядеть китайская победа? Как сложится жизнь для наших детей? Даже не так: ведь мы говорили о том, что сейчас происходит всё так быстро, так что это не только о наших детях, это и о нас. Какой может быть наша жизнь? Чем мы рискуем?

— Давайте проанализируем три сценария. Есть катастрофический путь, и это путь третьей мировой войны, когда мы сталкиваемся лицом к лицу на Тайване или где-то ещё. Но вы даже не успеете об этом узнать — прилетит ядерное оружие. Это не исключено. Опасность американо-китайской войны в том, что её эскалация будет невозможно остановить. Безусловно, это будущее, которого мы хотим избежать, точно так же, как мы хотели избежать этого во время первой холодной войны.

Второй вероятный сценарий: США открывают карты и сбрасывают игру. Это и есть Суэц по-американски. Это момент, когда мы вдруг обнаруживаем, что США больше не номер один в мире, и мы больше не можем поддерживать своё господство в Индо-Тихоокеанском регионе.

— Кстати, после британского Суэца, после настоящего Суэцкого кризиса жизнь в Британии продолжалась и уровень жизни продолжал расти.

— Давайте не будем продолжать этот сценарий, потому что за концом империи нам всем придётся заплатить значительную цену. Сейчас быть американцем — это значит наслаждаться привилегией страны — эмитента мировой резервной валюты. Валюты, которая преобладает во всех международных сделках. Мы можем продавать свои 10-летние долговые обязательства остальному миру, и остальной мир купит их, потому что они по глупости думают, что это безрисковый актив.

Если мы проигрываем в геополитике, так же как Великобритания в конце 50-х годов, вы удивитесь, как быстро обесценится ваша валюта. То есть: во время фиаско Ли Трасс курс обмена валют был 1,07 доллара за фунт, когда Британская империя процветала, фунт стоил 4,86 доллара. К этому следует относиться очень серьёзно. США понесут большие издержки, если мы превратимся в державу второго уровня. Мы не должны недооценивать, как быстро может измениться структура международной финансовой системы, если США перестанут быть заслуживающей доверия мировой сверхдержавой номер один.

Но, я думаю, вы пытаетесь охватить более широкий вопрос: на что будет похож мир, если Китай станет сверхдержавой номер один? Нам (американцам. — Ред.) нужно смотреть с опаской на вероятность такого будущего, где мир может оказаться под китайским господством, точно так же, как мы представляли мир, в котором доминировал Советский Союз.

Перехожу к третьему сценарию. Он достаточно правдоподобный, в нём мы стараемся предотвратить расширение влияния Китая на нескольких театрах военных действий. Мы не всегда используем термин Джорджа Кеннана "политика сдерживания", но мы уже делаем это. Странно участвовать в холодной войне и не признавать этого. Но недавно опубликованная администрацией Байдена Стратегия национальной безопасности отрицает, что мы находимся в новой холодной войне. Нет, мы не в новой холодной войне. Но Стратегия подразумевает, что мы всё же находимся в холодной войне. Какую цель США преследуют в настоящее время? Цель — ограничить способность Китая догнать Америку в технологическом плане. В прошлом году Министерство торговли отрезало Китай от самых сложных полупроводников, а также от людей (специалистов) и технологий, необходимых для их производства. Вместо того, чтобы дожидаться столкновения, мы заранее ввели санкции против Китая. Это действительно важная часть холодной войны, когда ведущей державе необходимо сохранить своё технологическое превосходство, не давая восходящей державе догнать её. Я думаю, что это наиболее вероятное будущее, где США необходимо будет бороться в разных регионах, но, что важнее всего, американцы должны бороться за сохранение технологического превосходства. Я думаю, это то будущее, в котором мы находимся сейчас.

— Всё-таки, почему администрация Байдена не называет свою политику в отношении Китая холодной войной?

— В какой-то момент США получают президента, который это делает. Мы говорили, что в настоящее время мы находимся на той ранней стадии холодной войны, когда мы всё ещё не хотим смотреть правде в глаза. Мы думаем, что если назовём её настоящим именем, то, возможно, расстроим Си Цзиньпина, и это усугубит ситуацию. И в этом смысле довольно недипломатично называть на публике наши действия холодной войной. Когда вы разговариваете с людьми в Госдепе или особенно в европейских министерствах иностранных дел, то слышите типичный ответ: "О, не называй это так, Нил, ты их очень расстроишь." И это классика ранней холодной войны. Помните, как мы беспокоились о дяде Джо в период между 1945 и 1950 годами? (Дядя Джо — американское прозвище Сталина. — Ред.). Помните то чувство, когда The New York Times раскритиковала фултонскую речь? Сейчас мы находимся в таком же состоянии. Так что следующий президент, я надеюсь, сможет более открыто говорить о том, где мы находимся. Но есть и другая причина. Она заключается в том, что демократическая администрация больше заинтересована в преследовании внутреннего врага — MAGA-республиканцев (MAGA — Make America Great Again. — Ред.), которых она любит изображать как экзистенциальную угрозу для Америки. По неким политическим причинам демократам важнее разбираться с этим, чем с угрозой Китая. Я думаю, один из важных уроков первой холодной войны в том, что США уязвимы из-за возможности внутреннего раскола. Во время холодной войны, когда в США произошёл раскол из-за Вьетнама, всё пошло наперекосяк. В период с конца 60-х до начала 70-х страна была действительно в очень, очень глубоком расколе. И следует помнить, что в Китае такой проблемы не существует.

— Если оглядываться на историю первой холодной войны, то можно вспомнить несколько моментов, когда Соединённые Штаты были действительно объединены: когда была риторика Кеннана, когда Гарри Трумэн остановил коммунистов в Корее, когда мы изобрели НАТО и так далее. Идея в том, что если мы делали это раньше, то мы можем поступить так же снова. Ещё одна цитата, на этот раз от инвестора Рэя Далио: "США испытывают финансовые проблемы, внутренние конфликты, они сталкиваются с внешними вызовами. Китайцы зарабатывают больше, чем тратят, у них есть внутренний порядок, у них быстро улучшается образование, производительность, торговля. Не могу сказать, что лучше: демократия или автократия. Китай не похож на Соединённые Штаты, которым грозит конфликт в виде гражданской войны". И его аргумент в том, что, возможно, раньше мы умели объединяться, это то была другая Америка.

— Во-первых, Кеннан был прав: холодная война, по крайней мере на время, объединила американцев. В 50-х годах, на удивление, был минимум разногласий. Но, как я уже упоминал, вплоть до конца 60-х был период глубокого раскола. А затем американцы снова объединились. И даже до 80-х годов одной из причин, по которой Рональд Рейган стал президентом, была его критика политики "разрядки" Джими Картера, нашедшая отклик у избирателей.

Итак, я говорю о второй холодной войне, потому что, как показывает история, США нужен внешний враг, это действительно помогает. Если у нас (американцев. — Ред.) его нет, мы просто разваливаемся, и мы просто разорвём друг друга на куски. Очень интересно наблюдать за периодами истории, когда у американцев не было чёткого геополитического проекта, не было явного геополитического соперника, и, как правило, в такие периоды внутренний раскол становился наиболее выраженным. Это было так, когда мы перестали верить в советскую угрозу и в конце 60-х решили, что проблема действительно в нас самих.